

НОВІТНЯ ІСТОРІЯ

ББК 63.3(2)61
УДК 94(470+571)«18»

Александр Шубин

Альтернативы
1917 года

«История знает условный способ». Дослідник-історик не може ігнорувати можливості іншого перебігу подій, він не зможе адекватно оцінити подію і її наслідки, якщо не поцікавиться також можливими альтернативами. Історичні альтернативи - це можливий розвиток, і його можливість теж необхідно ретельно доводити. У даній статті коротко характеризуються основні альтернативи революції в 1917 р., що намітилися в лютому-червні: можливості збереження самодержавства, ліберальна, багатопартійна радянська, більшовицька.

Ключові слова: альтернативи, революція, 1917 рік, більшовики, соціалісти-революціонери, меншовики, кадети.

Фраза «История не знает сослагательного наклонения», которая произносится как правило, с многозначительным: «Как известно», дарит тему исторических альтернатив на откуп публицистам. Эта фраза – ло-

© Шубин А., 2010

зунг фаталистов, и я готов противопоставить ей прямо противоположную: «История знает сослагательное наклонение». Исследователь-историк не может игнорировать возможности иного течения событий, он не сможет адекватно оценить событие и его последствия, если не поинтересуется также возможными альтернативами. Но научный анализ альтернатив должен быть лишен публицистической залихватскости, идеологической однолинейности, когда писатели смело игнорируют любые исторические закономерности, социальную причинность, чтобы прочертить линию от реальных событий к желаемому идеалу или (если ход реальной истории на рассматриваемом участке радует автора) жуткой катастрофической картине. Исторические альтернативы – это возможное развитие, и его возможность тоже необходимо тщательно доказывать.

Здесь, в краткой статье, мы не ставим задачу тщательно разобрать все исторические развилки 1917 года. Мы стремимся, во-первых, указать на них, и, во-вторых, оценить степень альтернативности, глубину различия путей в момент их расхождения. Моделирование дальнейшего хода событий в каждом из этих случаев – отдельная задача.

Россия без революции?

Прежде всего возникает вопрос: а была ли возможность вообще миновать революцию в России после 1907 г. Известно, что некоторые страны сумели обойтись без революционных потрясений при переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному, но это – скорее исключение, а не правило. Для того, чтобы чисто эволюционный путь стал возможен, в господствующих классах должна сформироваться группа реформаторов, способных не только разработать филигранные реформы, рассчитанные на опережение, как правило ухудшающейся социальной ситуации, но и осуществить их, преодолевая эгоизм правящих слоев и инерцию социальной структуры. В России реформы, даже последовавшие за революцией 1905-1907 гг., исходили из необходимости сохранения и самодержавия, и помещичьего землевладения. Задача пожертвовать важнейшими привилегиями

аристократии по существу не ставилась. Система и в 1905 г. «не поняла намека истории». Завалы на пути дальнейшей модернизации России сохранялись, реформы не помогли решить проблему острейшего аграрного перенаселения, связанной с помещичьей системой низкой производительности труда на селе, и их последствиями в городе, тормозивших индустриализацию. Ориентация на сохранение и помещичьего хозяйства, и самодержавия как политической доминанты с самого начала обрекали на неудачу реформы П. Столыпина. Они даже не пытались снять важнейшие блоки модернизации, лишь дестабилизируя деревню. Аристократически-бюрократический характер правящего слоя вызывал неприятие в остальных элитных слоях. Самодержавие делилось властью с «общественностью» (то есть с интеллигенцией, технократическими слоями и политизированной частью буржуазии) только под сильнейшим давлением. Что же удивляться, что «общественность» относилась к самодержавию критически, и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего.

После очевидно незавершенной революции 1905-1907 гг. новая революция была предопределена. Но ее формы и результаты могли быть совершенно различными. На повестке дня стояла «доводящая» революция, которая должна была заставить монархический режим пойти на дальнейшие уступки по вопросам, поставленным Первой русской революцией. Эта альтернатива может моделироваться с учетом таких революций относительно низкой интенсивности, как «Славная революция» в Англии 1688 г. и революции 1830 г. во Франции. Собственно, такая повестка дня и ставилась либеральной оппозицией в Феврале 1917 г. Но Российская революция не остановилась на этой повестке дня, двинувшись вглубь. Это произошло по двум причинам: во-первых, процесс индустриальной модернизации уже к 1905 г. выдвинул на повестку дня «рабочий вопрос», во-вторых, Мировая война обострили все внутренние российские кризисы и придали характеру революции примесь солдатской. Значение «рабочего вопроса», тесная связь рабочего движения с социалистическим и готовность их действовать самостоятельно от либеральной элиты – основание считать, что революция в любом случае, даже в условиях мир-

ного времени, имела бы сильную социальную составляющую. Если применять французские модели, то речь может идти уже о революциях 1848-1849 и 1970-1871 гг. Эти параллели рассматривались социалистами уже в 1905 г.¹, и повестка дня не изменилась в период между революциями. Более того, теоретики германской социал-демократии после 1905 г. признавали, что Русская революция принялась решать задачи, актуальные для более развитой Германии. Итак, с нашей точки зрения, уже к 1914 г. в России в ближайшие годы была неизбежна глубокая социальная революция, однако не столь разрушительная, как случилось в 1917 г. Во всяком случае, сохранялись возможности избежать обрушения власти, очаги социального возмущения могли быть локализованы, преобразования могли удержаться в рамках социал-либеральных. Однако необходимо оговориться, что более скромный размах революции мог быть обеспечен в случае гибкой политики властей, готовности сочетать репрессивные меры и реформы. Опыт 1917 г. показывает, что правящие слои Российской империи действовали таким образом, что это способствовало эскалации революции.

Выбор времени

Из сказанного следует, что огромное значение имел «выбор» времени начала революции. Здесь сходятся две альтернативы. Первая, упомянутая выше: революция в условиях мира (то есть, развитие России в условиях, когда стране удалось избежать участия в мировой войне, во всяком случае до революции). Эта альтернатива обычно формулируется так: «Если бы не война!». Вторая: революция начинается уже после завершения войны, в условиях демобилизации, но уже все-таки мира.

Для Германии, Австро-Венгрии и России война закончилась революцией. Можно сколько угодно рассуждать о таких «причинах» революции, как интриги оппозиции и происки шпионов врага, но все это было так же во Франции и Великобритании. А там революций не произошло. Где слабо, там и рвется. Однако Россия отличается от Германии тем, что находилась в коалиции потенциальных победителей, как, например Италия. После войны в Италии также произошла дестабилизация социальной системы,

но не столь интенсивная, как в России, Германии и наследниках Австро-Венгрии. Таким образом, очень многое в истории России зависело от того, могла ли Система дотянуть до конца войны, то есть – всего около года (с учетом того, что выход России в 1917 г. из войны несколько облегчил положение Германии).

Стало ли начало революции именно в начале 1917 г. результатом прежде всего объективных или субъективных факторов?

Война уже через год после своего начала дезорганизовала социально-экономическую жизнь страны. Участились сбои в работе транспорта. Сельское хозяйство сокращало производство продовольствия в условиях, когда нужно было кормить не только город, но и фронт. Царская бюрократия не справлялась с нараставшим снежным комом проблем. В условиях войны особое возмущение вызывали коррупция и другие злоупотребления, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. Война активизировала общество, а неудачный ход боевых действий (обусловленный состоянием русской армии) дискредитировал власть.

Либеральные деятели были не прочь воспользоваться ухудшением ситуации, чтобы добиться воплощения в жизнь своей мечты – конституционной монархии, развития страны «по английскому пути». Но ведь ситуация действительно продолжала ухудшаться, и настолько, что это стало вызывать опасения «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». «Общественности» приходилось маневрировать перед двумя перспективами – глухой абсолютистской реакции и смуты. Задача либералов в этих условиях заключалась в том, чтобы добиться от императора конституционных уступок до того, как режим доведет дело до социальной революции. Но Николай II упрямо отказывался от уступок, чурался перемен, заменяя действия колебаниями.

И эта расстановка политических сил, и политический стиль Государя сформировались до войны, а во время войны лишь усугубились. Если правитель не привлекает к сотрудничеству «общественность», она начинает работать в режиме «теневого кабинета» - искать пути воплощения в жизнь своих идей вопреки воле «некомпетентной» и эгоистичной власти. Пропагандистская кампания «Прогрессивного блока» сделала Думу центром общественного недовольства и снискала ей зна-

чительную популярность, в том числе и в руководстве армией.

Очевидная неэффективность бюрократического аппарата, особенно проявившаяся в 1915 г., позволила «общественности» активно включиться в дело снабжения армии через «Красный крест», земские организации и военно-промышленные комитеты. Насколько эффективна была эта работа – можно судить по-разному, но интеллигенция и буржуазия отдавала предпочтение своим организациям. Туда привлекались кадровые, финансовые и интеллектуальные ресурсы. Чиновничество в большинстве своем относилось к сети общественных организаций с недоверием. Это привело к соперничеству, «перетягиванию каната» между чиновничеством и «общественностью» в деле «организации тыла», что также не способствовало эффективной работе.

Поскольку депутаты были людьми известными, именно с ними устанавливали контакт все новые недовольные. В условиях военных поражений – и военные, готовые поиграть в «декабристов» ради того, чтобы сделать войну более «толковой» и победоносной.

Либеральные идеи не были чужды великому князю Николаю Николаевичу, генералам М. Алексееву, В. Рузскому, А. Лукомскому, А. Брусилову, А. Деникину, Ю. Данилову, А. Поливанову. А ведь они в ходе войны возглавляли фронты и штабы фронтов, занимали и более высокие должности, а Алексеев – возглавлял штаб Ставки.

Такое влияние «прогрессистов» позволяет поставить вопрос о «превентивном перевороте», который мог привести к либерализации до революции и тем снять часть социально-политических противоречий. В то же время нельзя забывать, что в напряженной социальной ситуации подобные перевороты как раз и оказываются стартовой точкой революций (такой сценарий имел место, например, в Португалии в 1974-1975 гг.).

Созревание военно-либерального заговора шло на фоне обострявшегося социального кризиса в крупных городах. Именно наличие этого кризиса практически исключает альтернативу «войны без потрясений» в 1917-1918 гг.

За время войны цены выросли в среднем в 3,7 раза. Уровень жизни в среднем упал на четверть. Но это – в среднем. Положение низов обострилось до крайности. Охранное отделение со-

общало в канун Февральской революции: «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать»². Один из полицейских доносил: «Среди населяющей вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»³.

Свою роль сыграл и транспортный кризис – отсюда версия о «случайности» перебоев с продовольствием в Петрограде из-за снежных заносов. Однако уже в самом начале 1917 г. очереди за хлебом - «хвосты» превращались в многочасовые митинги, прежде всего женские. «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб», - писала «Речь» 14 февраля. При этом более дорогие булки и кондитерские изделия имелись в изобилии, но на них у рабочих не было денег. А министр Риттих все недоумевал по поводу «страшного требования именно на черный хлеб»⁴. У его семьи хватало денег на белый. Уже в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25% от нормы⁵. Февральские заносы стали только «последней каплей» транспортного паралича, охватившего Россию. «Железные дороги, главным образом вследствие отчаянного состояния паровозов, начали впадать в паралич»⁶, - характеризовал ситуацию член инженерного совета Министерства путей сообщения, генерал Ю. Ломоносов. «Состояние паровозов» было вызвано развалом машиностроения и ремонтной базы. Падало производство металла, поскольку к домнам не подвозили топливо. Стремительное падение угледобычи усугубляло развал транспортной системы.

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих, спровоцировавшее забастовки и локауты. Социальный эгоизм проявила не только аристократия, но и буржуазия.

23 февраля 1917 г. хватило призыва небольших революционных групп, чтобы население Петрограда вышло на улицы.

Политика самодержавия была такова, что обеспечила раскол элиты перед лицом социальных волнений. Кризис социальной системы поставил крупные города перед лицом таких волнений.

Все это делает альтернативу «Россия без революции» невозможной, а «Революции после войны» (а не во время войны) – крайне маловероятной.

Однако если шанс избежать революцию в 1917-1918 гг. у России был, то именно Николай II свел его к нулю.

Реакция императора на хлебный бунт последовала уже 25 февраля, сразу же после того, как ему сообщили о происходящем. Николай отправил Хабалову телеграмму, оказавшую огромное влияние на дальнейший ход событий: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии»⁷. У Николая уже был опыт 9 января 1905 г. Тогда трагедию еще можно было «списать» на плохих исполнителей и стечение обстоятельств. Теперь Николай принял решение, зная, что оно ведет к кровопролитию.

«Эта телеграмма... меняхватила обухом... - вспоминал потом генерал Хабалов, - Как прекратить завтра же?... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «Хлеба дать» - дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «Долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? - царь велел: стрелять надо...»⁸ Телеграмма царя означала конец попыток как-то урезонить доведенные до отчаяния массы.

Вечером 25 февраля демонстранты, привыкшие к относительной безопасности своих действий, были встречены войсками. Первый выстрел утром 25 февраля был, видимо, произведен случайно. Но в половину шестого вечера отряд драгун опять открыл огонь по митингующим, убив и ранив 11 человек. В демонстрантов стреляли и на Невском проспекте⁹. Теперь команда стрелять отдавалась вполне сознательно. Ибо исходила она с самого верха самодержавной власти: «Повелеваю завтра же прекратить!»

Расстрелом демонстрантов власти были намерены перейти в наступление. Однако кровопролитие привело к новому витку конфронтации. Начались столкновения рабочих с войска-

ми вокруг заводов. На Выборгской стороне были воздвигнуты баррикады. В результате рабочие кварталы оказались вне контроля властей. Волнения переросли в революционные выступления масштаба 1905 года.

Важную роль сыграло и решение о приостановке заседаний Думы, радикализовавшее «Прогрессивный блок» и обеспечившее ему возможность действовать от имени Думы. Создав Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами»¹⁰, депутаты надеялись выиграть в любом случае. Победит самодержавие – депутаты водворят порядок. А если процесс пойдет дальше – представители Думы могут, действуя от ее имени, возглавить «общественные организации». Таким образом, Николай II своими действиями не только резко обострил ситуацию, но и толкнул парламентский центр ко все более активному участию в революционных событиях.

Возможность быстрого подавления

27 февраля в Петрограде началось уже полноценное вооруженное восстание. Недовольство солдат в Петрограде также имело объективные причины. Петроград как крупный тыловой город был одним из центров подготовки и размещения новобранцев. «В казармах царила невероятная теснота... Солдатская масса жила столичными слухами, общалась с рабочим населением, настроенным пораженчески... Солдатская масса была проникнута одним страстным желанием - чуда, которое избавило бы ее от необходимости «идти на убой»¹¹ – считал С. Ольденбург. Нежелание идти «на убой» видимо играло роль в мотивах, которые двигали солдатской массой в феврале. Но, как показали последующие события, солдаты еще не были настроены «пораженчески». Так что попытки объяснить их поведение исключительно «шкурными» мотивами – присущая мифу односторонность. Приняв участие в восстании, солдаты пошли на больший риск, чем отправка на фронт. Позднее значительная часть этих людей будет сражаться в Гражданской войне, защищая «свою» власть. Тогда (в отличие от мировой бойни) они будут знать, ради чего умирают.

Прежде всего на сознание солдат действовали приказы стрелять по толпам населения. Впервые с 1905 г. в столице так обильно лилась кровь. 26-27 февраля армия стала переходить на сторону революции. Пытаясь приостановить развитие «мятежа», Хабалов направил в район Литейного проспекта отряд полковника А. Кутепова численностью около 1000 штыков. Однако этот отряд быстро смешался с восставшими. Солдаты не хотели стрелять «по своим» ради сохранения самодержавия. И в этом была главная причина и восстания, и его успеха в Петрограде.

ВКГД воспринимали себя как единственного носителя порядка во взбунтовавшейся столице. Но в этот момент возникла ключевая альтернатива 1917 г. – между либеральным и советским плюсами революции.

Рабочие и левые активисты не были сторонниками социального хаоса и понимали, что движению требуется организация. Иначе события так и могли остаться всего лишь хлебным бунтом. 24 февраля на совещаниях представителей рабочих организаций и социалистических партий возникла идея обратиться к опыту 1905 г. и создать Советы рабочих депутатов¹². Временный исполнительный комитет Совета приступил к организации выборов в Совет по всем заводам. Днем 27 февраля Совет уже проводил свое первое заседание, посвященное организации порядка, военных действий и снабжения войск. Одновременно временный исполком Совета «принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, отбившихся от казарм, распыленных и бездомных воинских частей,» - вспоминал член исполкома Совета Н. Суханов¹³. Таким образом, «Таврический дворец превращался не только в боевой штаб, но и в питательный пункт. Это сразу создавало практическую связь между «Советом» и солдатской массой», – отмечал С. Ольденбург¹⁴. Вскоре Совет стал пополняться представителями восставших частей.

В исполком прошли прежде всего известные рабочим лично лидеры левосоциалистических группировок, а также те, кто удачно выступил на первом заседании Совета. 28 февраля состав исполкома был дополнен представителями (в большинстве своем более умеренными) революционных партий.

Так в городе возник новый орган власти, тесно связанный

с предприятиями, восставшими частями, революционными партиями и организациями рабочих. Теперь речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о борьбе широких социальных слоев за власть с целью изменения самих принципов формирования социально-политической системы страны, то есть о социальной революции. Но революция – это не синоним хаоса и чистого разрушения. Революция рождала свою организацию, центрами которой были Советы.

Важный фактор победы Февральской революции – сначала фактический нейтралитет, а затем и соучастие в отстранении Николая II от власти руководства армии – М. Алексеева и командующих фронтами. Вскоре после падения самодержавия они поняли, что неверно оценивали обстановку, полагая, что результатом падения Николая II станет возникновение либеральной конституционной монархии – они не знали о роли Совета. Там, где случилась политическая ошибка, можно говорить о возможности иного варианта событий. В случае готовности генералитета все же подавить восстание в столице развитие событий было бы иным.

По мнению депутата А. Бубликова, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Более того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться»¹⁵. Это мнение авторитетно – ведь именно Бубликов и его сотрудники обеспечили поставку продовольствия в столицу. Но по той же причине у Бубликова есть мотив драматизировать ситуацию. Устроить голод в столице империи – значило только ожесточить ее жителей, вызвать к ним сочувствие провинции. Но все же: могли ли генералы оперативно подавить восстание в столице?

Николай назначил генерала Н. Иванова командующим карательной экспедицией против столицы с диктаторскими полномочиями. Ему придали три роты георгиевского батальона. Другие фронты должны были выдвинуть к Петрограду 3 кавалерийские и две пехотные бригады.

28 февраля каратели начали движение из Могилева в Царское село. Однако генерал Иванов не смог даже соединиться со всеми частями карательного корпуса.

Мог ли Иванов подавить восстание в Петрограде, если бы действовал более решительно? В Гатчине было сосредоточено около 20 тысяч войск, верных старому режиму. На ст. Александровской высадился пехотный полк. На встречу им лояльный ВКГД генерал Н. Потапов выдвинул шесть тысяч революционных солдат, сохранявших дисциплину. Они стали занимать позиции в шести верстах от столицы со стороны Царского села. В Луге восстал гарнизон и принялся громить государственные учреждения, что не помешало восставшим разоружить подошедший эшелон карателей, которые в общем не желали никого карать. В Петрограде уже 1 марта стали приводиться в порядок части восставшего гарнизона. Их боеспособность была не велика. Зато революционеры имели многократный перевес (более 100 тысяч солдат), на их стороне была сильная оборонительная позиция и симпатия населения столицы.

Но главный удар по карательной экспедиции нанесли железнодорожники. Пути между Семрино и Царским селом разбирались, с железнодорожных стрелок снимали крестовины, что делало движение невозможным, но позволяло революционерам, когда понадобится, быстро восстановить дорогу. Опасались, что генерал Иванов от Царского села продвинется в Гатчину, к своей основной группировке. Но он отступил к Вырице. С 1 на 2 марта Иванов заночевал в Вырице, где арестовал начальника станции за саботаж. Саботаж после этого только усилился. Путь на Гатчину был испорчен, а в паровозах Иванова находчивые железнодорожники слили воду¹⁶. Таким образом, атаковать столицу сходу не удалось. А к 1 марта пришлось бы блокировать и штурмовать уже не только Петроград, но и Москву, Тверь, Нижний Новгород, Харьков...

Важную роль в этой обстановке сыграли действия как раз депутата А. Бубликова. В качестве комиссара ВКГД он занял министерство путей сообщения и принялся управлять железными дорогами. В ночь на 1 марта по телеграфу всем станциям железных дорог была отправлена телеграмма: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет государственной думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь за-

висит спасение Родины»¹⁷. Судьба революции зависела от железнодорожников сразу в нескольких отношениях. Они дали зеленую улицу эшелонам с хлебом к столице, они проинформировали страну о том, что власть переменялась, они по требованию Бубликова стали тормозить движение к Петрограду любых военных частей, они взяли под контроль перемещение царского поезда. Железнодорожные служащие в большинстве своем поддержали новую власть.

28 февраля массовые демонстрации под красными флагами захлестнули Москву. Начались столкновения с полицией. Социал-демократами и эсерами из представителей рабочей секции ВПК, кооперативов, профсоюзов и партий был создан Временный революционный комитет, который стал готовить созыв Совета. Вечером 28 февраля на сторону революции стал переходить московский гарнизон. Власть приняла городская дума, по инициативе ее головы М. Челнокова стал формироваться Комитет московских общественных организаций – опора новой власти.

На следующий день гарнизон «древней столицы» полностью перешел на сторону Временного революционного комитета и городской Думы. Революция распространялась на крупные промышленные центры вместе с телеграфными сообщениями о событиях в столице. 28 февраля на сторону революции стали переходить гарнизоны в Харькове, Нижнем Новгороде и Твери (здесь толпа убила губернатора).

Каратели могли ворваться в столицу, но для быстрой «зачистки» нескольких крупных городов сил у Алексеева очевидно не было. Таким образом, сценарий «быстрого подавления революции» - это сценарий гражданской войны в тылу фронта, при чем масштаба, большего, чем в 1905 году. Из этого следует, что поведение генералитета было логичным, особенно если учесть его прежние связи с «прогрессистами».

Не существовало альтернативы быстрого подавления революции. Была альтернатива гражданской войны в тылу фронта либо – выхода из войны, «Брестского мира» уже в начале 1917 года ради подавления революции. Тогда – с возможностью «глухой реакции» на несколько лет.

Очевидно, что возможность быстрого выхода из войны в начале 1917 г. была крайне маловероятна – правящие круги

обеих стран были к этому не готовы. Следовательно, попытка «загнать джина в бутылку» означала дальнейшую дестабилизацию страны в условиях войны, неизбежные поражения на фронте и партизанская война и восстания в тылу. Февраль 1917 г. – не последний раз, когда возникала такая альтернатива.

Авторитарность либералов

Казалось бы, в результате Февральских событий возникло «двоевластие» – власть и правительства, и Совета. «Двоевластие» часто считают чуть ли не символом хаоса и смуты. Но «двоевластие» предполагает противостояние центров власти. А если они мирно сосуществуют и поддерживают друг друга – то это разделение полномочий, а не «двоевластие». Возникший политический режим был основан на соглашении между правительством и Советами, и противники его критиковали именно за «соглашательство». Альтернативы этого периода – это альтернативы «соглашательству».

Весной 1917 г. о «двоевластии» говорят как об угрозе, а не о реальности. Временное правительство признавало, что ему придется считаться с мнением Совета, но оно отказывалось допустить прямое вмешательство Совета в деятельность правительства, что «было бы недопустимым двоевластием»¹⁸. Хорошо ли, плохо ли, а функции общегосударственного представительства исполняло правительство. Советы были гораздо влиятельнее на местах, что вообще характерно для органов самоуправления. Советская альтернатива как претензия на верховную власть очевидно проявится позднее, а в марте-апреле 1917 г. правительство стремилось сосредоточить в своих руках всю реальную власть, вернувшись к альтернативе либеральной революции, упущенной в февральские дни. В чем она заключалась?

Пока либералы боролись за власть с самодержавием, они выступали за правительство, ответственное перед избранныками народа.

П. Милуков уже в 1916 г. произвел чуть заметную, но имевшую большое значение сдвигу в лозунгах – от «ответственного правительства» к «правительству народного доверия». Когда от него попросили разъяснений, он прокомментировал: «Как ка-

дет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу – министерство, ответственное перед народом»¹⁹. Перед народом – это ни перед кем. «Первый шаг» вел к безответственному авторитарному правительству во главе с либеральной элитой. Сформировалась авторитарно-либеральная альтернатива.

Будущим премьером все бурные дни революции считался М. Родзянко, как лидер представительного органа власти. Но в решающий момент 2 марта думские лидеры смогли отодвинуть его в сторону изящной комбинацией. Предлагалась конфигурация власти, где Родзянко становился больше чем премьером, фактически – президентом, временным главой государства. Эту конструкцию наивный Родзянко излагал Алексееву 3 марта: «предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»²⁰. Родзянко не знал, что уже 2 марта Временное правительство взяло всю власть в свои руки, фактически распустив Думу. Не собиралось оно считаться и с «Верховным комитетом», как назвал Родзянко ВКГД.

2 марта Временное правительство приняло решение: «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству...»²¹. Лукавство этого решения заключалось в том, что после 1905 г. монарх в России не обладал всей полнотой власти. Таким образом, Временное правительство восстанавливало самодержавную диктатуру, только не во главе с монархом, а в своих руках. Такое правительство никак нельзя назвать демократическим.

2 марта Милюков произносил свою первую речь от имени правительства. В ответ он услышал возмущенный вопрос: «Кто Вас выбрал?» «Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам»²². Отныне даже правые политики признавали право «революции» «выбирать» правительства. Вооруженное революционное меньшинство воспользуется этим правом еще не раз.

У нового правительства не было прочной опоры в массовых организациях, сотнями возникавших или выходявших из подполья после революции - партиях, профсоюзах, Советах. Эту опору могла дать только связка с социалистами. Меры принуждения были невозможны, поскольку войска в столице фактически подчинялись Совету.

Для сохранения системы требовалось или проведение преобразований, удовлетворяющих стремления основных социальных сил, или вооруженная сила, ее гарантирующая, или сила (на что надеялся Миллюков), или способность правящей элиты манипулировать политическими партнерами и массовым сознанием. Временное правительство могло быть социал-реформистским, авторитарным или манипулятивным.

Лидеры первого Временного правительства считали «соглашательство» временным и надеялись по мере стабилизации власти ликвидировать Советы или превратить их в чисто общественные организации.

Наиболее явно игнорирование позиции «демократии» проявилось в ноте Миллюкова 18 апреля, которая вышла за рамки компромиссной декларации правительства 28 марта. В ноте говорилось о войне до победы (что исключало быстрый компромиссный мир), после которой «демократические государства» (то есть Антанты) введут «санкции», способные предотвратить новую войну. Понятно, что в этом случае санкции будут введены против побежденных Германии и Австро-Венгрии. После публикации ноты 20 апреля социалисты, господствовавшие в Совете, почувствовали себя обманутыми и не позволили поставить себя перед фактом изменения внешнеполитической линии правительства. Результатом стали волнения и столкновения, известные как Апрельский кризис 1917 г.

Собственно, обстоятельства этого кризиса показали, что в Петрограде «партия порядка» не имела пока шансов подавить уличные выступления. Когда командующий Петроградским военным округом Л. Корнилов попытался вызвать на дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища, то собрание солдат и офицеров постановило не давать ему орудий. Новое 9 января не состоялось, и Корнилов подал в отставку.

Либералы пошли на уступки и, чтобы придать «висящему в воздухе» правительству опору, пригласили в него социалистов, обладающих влиянием в Советах. Но авторитарно-либеральная альтернатива не исчезла. Вышедший из правительства П. Миллюков продолжал настаивать на подавлении низовой «демократии», и партия по мере углубления революции склонялась именно к этой линии. Однако для подавления Советов нужна была вооруженная сила, которую можно было отыскать на фронте. А перемещение войск с фронта не могло пройти незамеченным и не вызвать противодействия. Таким образом, эта альтернатива вела к вооруженному противостоянию и гражданской войне. Когда час гражданской войны все-таки пробил, кадеты станут ядром политического крыла белого движения. Собственно, именно белое движение и станет реальным выражением кадетской политической альтернативы, и перспективы кадетского проекта в конкретных условиях России 1917-1920 гг. можно рассматривать как перспективу победы белого движения.

Разумеется, либеральный проект в мирных условиях и победа генералов, при которых гражданский фасад режима формируется с помощью кадетских политиков – это не одно и то же. Но реалии России после Февраля 1917 г. заключаются в том, что собственно кадетский проект не мог осуществляться без гражданской войны и массового насилия. Кадеты в силу своего элитарного имиджа, особенностей внешнеполитической и аграрной программ, не могли заручиться поддержкой большинства населения иначе, как в коалиции с левыми. А в условиях революционного подъема общественной активности проводить проект элитарного меньшинства можно было только силой, в условиях репрессивного режима и скорее всего – военной диктатуры с либеральным фасадом.

Советская альтернатива

Возникновение в ходе революции системы Советов поставило вопрос о возможности превращения ее в часть или даже основу будущего социально-политического устройства. Хотя формально так и случилось при большевиках, советская альтернатива сформировалась при доминирующем участии

социалистических партий, и до прихода большевиков к власти стала действовать как альтернативная модель демократии – свойство системы Советов, которое в ходе гражданской войны 1918-1922 гг. было потеряно.

Советы, в отличие от парламентов, как правило, формировались по принципу делегирования — нижестоящие организации посылали своих делегатов в вышестоящий совет и могли отозвать или переизбрать их. Этот принцип применялся стихийно, без единых норм представительства и четко прописанной процедуры.

Меньшевик Б. Богданов, обобщая первый опыт советского строительства, уже в марте подготовил правила формирования советов и нормы представительства, которые были приняты Всероссийским совещанием советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта – 3 апреля. Заложенный в ней федералистский принцип делегирования сохранился и в дальнейшем.

Первоначальное спонтанное, неупорядоченное развитие Советов создавало возможности для манипуляции мнением радикальных, но неопытных депутатов, но демократическая процедура постепенно отлаживалась, а члены Советов учились политике. До конца 1917 г. (когда большевики стали препятствовать перевыборам советов, а затем перешли к репрессиям против неугодных депутатов) мнение избирателей отражалось адекватно. В современной литературе высказывается мнение о том, что многоступенчатое делегирование менее демократично, чем прямые выборы²³. Эта позиция исходит из идеализации парламентских форм государственной организации, которые на деле передают власть не населению, а партийным элитам, фактически независимым от избирателей в промежутках между выборами и почти независимых даже во время выборной кампании. Делегирование при упорядоченном его проведении предоставляет возможности для более реального выражения воли низов, чем соревнование партийных машин, которое мы наблюдаем при массовом голосовании на «прямых» выборах²⁴. Проблема советской демократии заключалась не в авторитарности многоступенчатого делегирования, а в непоследовательном его проведении, недостаточном охвате населения Советами.

Федерализм Советов стал ответом на нерешенный социал-демократией конца XIX в. вопрос о демократической организации, способной преодолеть недостатки парламентаризма и бюрократического государства. В то же время, осознавая недостатки только возникающей советской системы, социалисты не решались отдать ей первенство над парламентом, тем более, что выборы в Учредительное собрание должны были стать своего рода революционным плебисцитом по основным вопросам, от которых зависело развитие страны. Для «разового» выявления воли избирателей в условиях революции механизм Учредительного собрания был предпочтителен. За совмещение двух видов демократии выступали и такие коллеги большевиков по коммунистическому движению, как Р. Люксембург²⁵, и такие их противники, как В. Чернов²⁶, лидер наиболее влиятельной политической силы России 1917 г., партии эсеров.

Умеренные социалисты, лидировавшие в Советах до осени 1917 г., осознавали, что эти органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные социалисты рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на отомобилизованное радикальное меньшинство могли привести к столкновению с теми слоями, интересы которых будут проигнорированы в ходе преобразований. Маневрируя между этими Сциллой и Харибдой в течение последующих месяцев, умеренные социалисты вплотную подошли к одной крайности, а большевики – к другой. Но не раз в июне-ноябре 1917 г. возникала ситуация, при которой была возможна и «золотая середина» синтеза самоуправления и общегосударственной демократии.

Выражением этой концепции стала идея ответственности правительства перед Советами, что позволяло выйти из тупика безответственного, но в то же время (и во многом благодаря именно безответственности, безопорности) безвластного правительства.

Советы опирались на сеть низовой общественной самоорганизации, возникшей по всей стране. Массовые организации редко переходили собственно к самоуправлению. Они пока не брали управление в свои руки, а предпочитали контролировать управленцев и оказывать на них давление. Петроградский совет, имевший наибольшее политическое влияние, весной-летом действовал все же не как орган власти, а как авторитетная общественная организация: он готовил и лоббировал проекты решений правительства и его органов, рассылал «пожарные команды» по урегулированию многочисленных социальных конфликтов, координировал работу профсоюзов и фабзавкомов, воздействовал на массы с помощью воззваний и влиятельных агитаторов²⁷. Пока правительство шло навстречу (или обещало пойти навстречу) предложениям главного органа «демократии», пока городские низы были согласны подчиняться советской дисциплине – эта система сдержек стабилизировала революционный социальный порядок.

По наблюдению Д. Чуракова, «осознавая себя победителями в революции..., рабочие часто были сговорчивы... Проявления этой первичной «умеренности» рабочих были многоплановы: от приглашения администрации на заседание комитетов для совместного решения проблем производства... до готовности притормозить ввод 8-часового рабочего дня... Но дело в том-то и обстояло, что буржуазия вовсе не была рада подобному положению вещей. Любое вмешательство рабочих организаций, таких, как Советы или примирительные камеры, в ее прерогативы встречало возрастающее сопротивление со стороны торгово-промышленных кругов»²⁸.

Более того, низкая компетентность и эгоизм этих кругов вели прямым к экономической катастрофе. Столкнувшись с требованиями 8-часового рабочего дня, некоторого повышения зарплаты в условиях стремительной инфляции и согласования правил внутреннего распорядка с подчиненными, предприниматели начали выводить средства предприятий за рубеж. Как можно хозяйствовать в стране, где рабочие требуют таких невероятных прав?!

Уже с мая «саботаж» предпринимателей привел в качестве ответной меры к изгнанию администрации с некоторых предприятий (первая волна таких изгнаний наиболее ненавистных начальников произошла сразу после Февральской революции, но с остальными рабочие стремились установить деловые отношения).

Из-за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся. Это порождало массовое отчаяние, стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество — социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя лидерство радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики.

Особое значение для судеб революции имело возвращение в страну вождя большевиков В. Ленина. Троцкий позднее писал: «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, хотя поставить его легче, чем на него ответить: как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года»²⁹. Действительно, Ленин своим политическим искусством и волей значительно усилил радикальную составляющую революции. Без него большевистское руководство действовало бы значительно умеренней, что ослабило бы ударную силу большевизма. Ниша лидерства в среде наиболее радикальных масс перешла бы к анархистам (эта угроза слева преследовала большевиков весь 1917 год), и организованность этой силы была бы значительно меньше. Без Ленина были бы выше шансы на консолидацию сторонников социальных реформ в спектре от Каменева до Чернова. Без Ленина лидером революции был бы Чернов, но вполне возможно, что коалиция умеренных социалистов, поправев после подавления анархистских бунтов, не удержалась бы под ударами контрреволюции. У Чернова, Каменева, Троцкого, левых эсеров не было такой воли в борьбе за власть, как у Ленина. Ленин доказал свою способность проводить намеченную стратегию, его оппоненты проиграли. Проиграли бы они более слабым противникам, чем Ленин (таким как Корнилов, Милюков, Керенский)? Или, столкнувшись с трудностями в проведении реформ, сами стали бы прибегать к более авторитарной, репрессивной политике? Ведь участвовали же Каменев и Троцкий в проведении политики «военного коммунизма», и даже эсеровское правительство Комуча в условиях гражданской войны в 1918 г. прибегло к репрессиям. Но именно возможность избежать гражданской войны и составляла суть многопартийной социалистической альтернативы ленинской политике.

Сразу же по прибытии в Россию Ленин стал решительно менять соотношение политических сил. Вопреки сопротивлению более умеренных лидеров большевизма, прежде всего Л. Каменева, Ленин настоял на новом курсе — курсе на социалистическую революцию. Эта стратегия, изложенная В. Лениным в нескольких речах и «Апрельских тезисах», выглядела сверхрадикальной, так как предполагала ликвидацию в ближайшее время самих основ существующего общества.

Ленин считал, что, свергнув самодержавие, российская революция «дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», то есть до задач, которые он ставил в 1905 году. Революция «зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»³⁰. Ленин таким образом готов ставить задачу коалиционной власти. Это значит, что и он мог стать частью широкой коалиции, но не социалистов и либералов, а только социалистов и примыкающих к ним демократов.

В «Апрельских тезисах» Ленин проповедует «необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»³¹. Совет — это «шаг к социализму», он может созвать Учредительное собрание и полностью реорганизовать общество так, что в нем не останется назначаемого чиновничества (только выборное), полиции и казарменной армии. Ленин призывает рабочих: «Пробуй, ошибайся, учись, управляй»³².

Идея передачи всей власти советам воспринималась большинством умеренных социалистов как абсурд — ведь в Совете митинговали неизвестные люди из народа. Но Советы быстро учились работе. Журналист В. Розанов, позднее известный консервативными взглядами, признавал, что в Совете «ораторы определенно лучше, нежели как были в Г. Думе», «речи вообще не для красноречия и даже не для впечатления, а именно — деловые, решительные, требовательные или — разъясняющие вопрос»³³.

Несмотря на сохранение значительного влияния правого крыла большевиков (Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Рыков и др.), которое ориентировалось на союз с другими социалистическим

партиями, на VII конференции большевиков победила линия Ленина. «Перерастание» революции в новую, социал-этактистскую фазу, получило в лице большевизма свой локомотив.

Коалиция и стратегия социалистов

В ситуации весны 1917 г. лидеры масс могли лишь корректировать их движение, но не определять его направление. После апрельского кризиса 5 мая правительство было реорганизовано – в него вошли социалисты, лидировавшие в Петроградском совете – В. Чернов, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов. Два министерства возглавил А. Керенский. В. Чернов заявил об ответственности социалистических министров перед советами и даже назвал съезд крестьянских советов «нашим социалистическим Учредительным собранием»³⁴. Таким образом, была выдвинута идея правительства, ответственного перед Советами (но не перед пролетариатом, как предлагал Ленин). Но она пока не получила развития.

Считалось, что представители социалистических партий и так представляют во власти «демократию». Но массы на улицах могли признать министров своими, лишь если те начнут действовать в интересах трудящихся классов.

Между тем министерство труда во главе с М. Скобелевым активно противостояли деятельности фабрично-заводских комитетов. Скобелев считал, что при разрешении трудовых конфликтов последнее слово должно принадлежать «власти, представительнице целого»³⁵. В условиях острых социальных конфликтов любое решение министерства Скобелева вызывало критику справа и слева, падение авторитета как правительства, так и меньшевизма.

В этот период социал-демократы, пришедшие к власти в России, а затем и в других странах, не собирались строить социализм. Но актуальные экономические взгляды меньшевиков исходили из преобладающего среди социал-демократов этактизма. Задачи социального государства и государственного регулирования оказались той переходной задачей, решением которой социалисты могли заняться, не претендуя на то, что они создают социализм.

Эти задачи соответствовали и мерам государственного регулирования, которые осуществлялись во время Первой мировой войны в ряде стран. Министр-меньшевик И. Церетели провозглашал: «Если государственная власть в единении с демократией не примет решительных мер к организации производства, кризис неизбежен»³⁶. Министр-эсер Чернов утверждал, что Министерство продовольствия разрастется в Министерство снабжения. После вхождения социалистов в правительство казалось, что реформы начнутся вот-вот.

К середине мая экономический отдел исполкома Петросовета, который возглавил ведущий экономист меньшевиков В. Громан, подготовил предложения по реформированию экономики. 16 мая они были одобрены Исполкомом Петросовета, то есть в том числе и лидерами умеренных социалистов. Резолюция требовала «непреклонной решительности в деле сознательного государственного вмешательства в народнохозяйственные и социальные отношения». Иначе – катастрофа. Руководство хозяйством должно быть сосредоточено в руках Комитета снабжения, поглотившего все ведомства, ныне отвечающие за снабжение армии и населения. Этот бюрократический монстр станет руководить хозяйством. Будет введена государственная монополия не только на хлеб, но и на другие продукты широкого потребления (мясо, соль, кожа), добычу угля и нефти, производство металла, сахара и бумаги перейдет в руки государственных трестов. Цены будут зафиксированы, банки поставлены под контроль государства, трудовые ресурсы будут распределяться Министерством труда³⁷. Авторам этого проекта казалось, что сосредоточение всей власти в руках такого бюрократического супер-ведомства покончит с ведомственностью и хаосом распределения. Опыт развития советской экономики показывает, что эти надежды были наивны. Но проект Петросовета имел принципиальное отличие от практики СССР – государственное управление предполагалось воздвигнуть на демократическом базисе. В центре и на местах планировалось создать Экономические советы из представителей общественных организаций, которые будут обсуждать и выработать планы, реализуемые структурами управления и регулирования хозяйства. Экономический совет станет «эконо-

мическим мозгом» страны³⁸. Неизвестно, насколько такие экономические «парламенты» могли бы поставить под контроль хозяйственную бюрократию. В XX веке попытки демократического регулирования экономики давали разные результаты. Но опыт XX века свидетельствует также и о том, что в условиях распада капиталистического рынка (а в России 1917 г. происходило именно это) без решительного государственного регулирования обойтись было нельзя. Несмотря на все издержки бюрократической экономики, просто бездействие и надежды на рыночную стихию были более разрушительны.

По мнению В. Громана, высказанному на заседании рабочей секции I съезда советов, «настала последняя минута, когда государство должно, наконец, поставить и немедленно приступить к осуществлению грандиозной задачи организации народного хозяйства. От анархического производства необходимо перейти к организованному производству по заданиям государства, с тем, чтобы была использована максимальная производительность национального труда»³⁹. В условиях быстрой социальной самоорганизации этот бюрократический идеал дополнялся поддержкой «органов революционного самоуправления народа».

Предложения Петросовета от 16 мая были проигнорированы правительством. Министры-социалисты не стали настаивать, и этим фактически обесценили свое вхождение в правительство с точки зрения интересов социалистического движения. Умеренные социалисты углубляли и расширяли свои предложения и на I съезде советов, и на Государственном совещании, а правительство продолжало стоять на страже частной собственности. В итоге не проводились никакие преобразования в сфере регулирования промышленного производства, и страна погрузилась в экономический хаос.

Идея государственного регулирования экономики потонула в обсуждениях и согласованиях. Когда Скобелев на заседании Петросовета призвал реквизировать сверхприбыли, обложив буржуазию прогрессивным налогом, анархист Солнцев при одобрительном смехе зала возразил: «Скобелев заговорил языком ленинцев. Он требует реквизиций, но все это делается под влиянием момента и дальше фраз не идет. Вы хотите рек-

визировать прибыли буржуазии, и вам здесь аплодируют, но вас в правительстве 5 из 16, и я хотел бы присутствовать на голосовании не здесь, а там, в Министерстве»⁴⁰. Решительные предложения социалистов были несовместимы с форматом коалиции. Министры-социалисты понимали, что бездействие означает катастрофу – и бездействовали. Катастрофа явилась осенью, и у нее было лицо большевиков.

Главный вопрос, обсуждавшийся крестьянскими советами – предстоящий переход всей земли крестьянам. Немедленный захват земли мог вызвать конфликты в среде самих крестьян. Во избежание социальных столкновений следовало ясно определить принципы земельного передела и подтвердить права новых собственников авторитетом не Временного правительства, а Учредительного собрания. Эта схема казалась весьма убедительной, но требовала длительной подготовки, тщательного учета населения и земли. Троцкий бросил Чернову упрек: «Мы надеялись иметь министра аграрной революции, а получили министра аграрной статистики»⁴¹. План социализации земли не учитывал фактор времени — нетерпения крестьянских масс и стремительно ухудшавшейся социально-экономической ситуации.

Перспектива Учредительного собрания заслонила от части лидеров революционной демократии возможность проведения временных мер, смягчающих социальную напряженность. Программу этих мер продиктовало эсерам само крестьянство, делегаты которого собрались 4 мая на I Съезд советов крестьянских депутатов — самый представительный форум 1917 года. Поддержав эсеровскую программу аграрной реформы, делегаты крестьянства проголосовали за передачу помещичьих земель в распоряжение земельных комитетов, избранных на местах. Именно эти комитеты должны были определять порядок пользования землей. Крестьяне требовали запрета земельных сделок вплоть до принятия закона о переделе⁴². Но попытки Чернова провести в жизнь даже эти скромные требования столкнулись с сопротивлением правительственного большинства.

Медлительность дрейфа ПСР влево привела к выделению в ее составе группы лидеров (М. Спиридонова, В. Карелин, М. Натансон, А. Колегаев и др.) и организаций (Петроградская,

Казанская и др.), которые считали невозможным затягивать выполнение основных требований эсеровской программы. Близость стратегических взглядов левой и центристской фракций эсеров до времени предотвращала раскол ПСР.

Обстановка войны, тактика коалиции, догматы «рамок буржуазной революции», в большей степени характерные для меньшевиков, но влиявшие на эсеров, демократический идеал принятия основных реформ Учредительным собранием, избранным всем народом с безупречной правильностью и потому обладающим беспрекословным авторитетом, – все эти мотивы оставляли социалистам крайне узкие возможности для преобразований в 1917 г. Но в основе этой «робости» лежала неготовность конструктивной программы социализма.

Казалось, время работает на социалистов. Вскоре кончится война. Через несколько месяцев будет созвано Учредительное собрание, которое позволит определить направление преобразований, соответствующее настроением большинства граждан. И тогда нынешние препятствия станут основой необратимости социальных реформ. Даже война создает предпосылки для социализма – в этом Чернов согласен с Лениным. На третьем съезде ПСР он задавал риторический вопрос о судьбе государственного регулирования по окончании войны: «разве те организующие элементы, которые введены в жизнь? Разве они должны исчезнуть?»⁴³. Чернов уверен, что «война есть рубеж, война есть перелом, с которого развитие начал коллективизации во всех странах пойдет и должно будет пойти ускоренным темпом»⁴⁴. Однако просто сохранение военной системы регулирования недостаточно: «... созданное войной обобществление должно остаться на началах демократизации» и социального права⁴⁵.

Чернов видел необходимость проведения социальных преобразований как можно скорее, но был уверен, что их может провести только широкий фронт «демократии» – эсеры, меньшевики, демократические партии и организации, которые не преследуют социалистических целей, но готовы (в отличие от кадетов и октябристов) поддерживать радикальную демократизацию.

Однако такое возрождение политической конфигурации Парижской коммуны было в условиях 1917 года маловероятно. Партии эсеров и меньшевиков имели в своем составе пра-

вые крылья, которые тяготели к союзу с кадетами и выступали категорически против революционных преобразований, а искомые Черновым демократы были маловлиятельны – справа от эсеров начиналась «сфера влияния» кадетов, взгляд которых на демократию принципиально отличался от социалистического – они настаивали на ликвидации советов и связанных с ними низовой самоорганизации. Убеждая союзников справа в необходимости активизировать реформы, Чернов и другие эсеры-центристы просто теряли время.

Определенный курс преобразований могло предложить либо либеральное правительство, либо социалистическое (тоже в разных вариантах от «однородного социалистического» до большевистского). Либерально-социалистическая коалиция блокировала назревшие социальные преобразования и вела февральский режим к катастрофе.

Примечания:

1. Подробнее см. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С.556-595.

2. Блок А.А. Последние дни старого режима. Архив русской революции. М., 1991. Т.4. С.16.

3. Цит. по: Лейберов И.П., Рудаченков С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С.18.

4. Февральская революция. Сборник документов и материалов. М., 1996. С.44.

5. Лейберов И.П., Рудаченков С.Д. Указ. соч. С.18.

6. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С.219.

7. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С.621.

8. Ферро М. Николай II. М., 1991. С.221.

9. Февральская революция. С.53.

10. Там же. С.115.

11. Ольденбург С.С. Указ. соч. С.618.

12. Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. С. 55.

13. Там же. С.76.

14. Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 624.

15. Там же. С.630.
16. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С.240-244, 249.
17. Там же. С.230.
18. Архив новейшей истории России. Т.VII. М., 2001. С.385.
19. Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С.32.
20. Февральская революция. С.231.
21. Архив новейшей истории России. Т.VII. С.385.
22. Миллюков П. История Второй русской революции. М., 2001. С. 465.
23. См. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996. С.69.
24. См. Шубин А.В. Развитие советской представительной системы и принцип делегирования (к истории вопроса) // Политические институты и обновление общества. М., 1989. С.73-80.
25. См. Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С.322-324.
26. Учредительное собрание. Стенографический отчет. М., 1991. С.81.
27. См. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. М., 1993-2003.
28. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С.37-38.
29. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.332.
30. Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.154-155.
31. Там же. С.107-108.
32. Там же. С.109.
33. Цит. по: Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.216.
34. Лавров В.М. Указ. соч. С.44.
35. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т.3. С.58.
36. Там же. С.57.
37. Там же. С.89-92.
38. Там же. С.93.
39. Цит. по Злоказов Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С.174.

- ⁴⁰. Там же. С.71.
⁴¹. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т.3. С.67.
⁴². Лавров В.М. Указ. соч. С.111-112.
⁴³. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.3. Ч.1. С.317.
⁴⁴. Там же. С.318.
⁴⁵. Там же. С.329.

Alexandr Shubin

Alternatives of 1917

«History knows Subjunctive Mood». A historian-researcher can't ignore the probability of quite a different course of history; he won't be able to adequately estimate the event and its consequences, if he does not speculate upon possible alternatives. Historical alternatives are likely evolution (development) and its likelihood must be painstakingly researched. The article under study gives a brief analysis of probable alternatives of the Revolution of 1917, outlined in February-June; possibly self-preserved autocracy, liberal, multi-party Soviet, bolshevist system.

Key words: *alternatives, revolution, 1917, bolsheviks, socialists-revolutionaries, mensheviks, cadets.*

Надійшла до редколегії 25.03.2010 р.